

От черного вторника к коммунистическому субботнику*

ЕГОР ГАЙДАР

Дорогие друзья, сегодня вечером мы должны будем вылететь в Москву, а завтра Государственная Дума обсуждает вотум недоверия правительству. К нему приурочена попытка организовать очередную всероссийскую стачку, из которой, я думаю, ничего не выйдет, а вот с вотумом недоверия правительству — дело довольно серьезное. У нас, как у партии, у фракции колоссальное количество претензий к нынешнему правительству. Мы считаем, что оно допустило серьезные ошибки, которые во многом перечеркнули шанс на стабилиза-

цию экономического положения в стране. И, тем не менее, мы завтра будем голосовать против вотума недоверия правительству.

Я вынужден буду сделать небольшое отступление для того, чтобы объяснить нашу позицию, объяснить, почему мы будем так поступать.

Исходная точка российских реформ сейчас как-то стирается из памяти, люди забывают, с чего мы начинали в конце 1991 года — с полностью парализованной экономики, с пустых прилавков, с длинных очередей, с неотоваренных карточек, с полностью разбазаренного

золотого и валютного запаса, с истощенного, а потом полностью исчерпанного государственного резерва. И вот с этой точки 15 образовавшихся независимых государств, разных — больших, маленьких, богатых природными ресурсами, как Казахстан, или бедных, как Эстония, — начали искать свой путь к стабилизации экономического положения, искать свою экономическую стратегию. Довольно быстро выяснилось, что при всех словах реально реализуются две экономические стратегии, в рамках каждой из которых имеются различия в небольших деталях, но очень существенные различия между ними.

Оставим пока в стороне Закавказье, Таджикистан и Молдову. В шести из десяти бывших республик начала реализовываться концепция мягкого, постепенного вхождения в рынок, ибо у власти в этих странах остались опытные хозяйственники, которые и раньше возглавляли экономику. И вот, наша оппозиция, достаточно, скажем, почитать газету "Правда", предлагает то же самое. За последние 2,5 года в этих государствах, я имею в виду Украину, Белоруссию, Казахстан, Узбекистан, Киргизию, Туркмению, все предложения оппозиции были отражены буквально, нет ничего из того, что делали бы в этих государствах и что не присутствовало бы сегодня в программах нашей оппозиции. Там разворачивались медленно и осторожно, там сохраняли государственный заказ, там сохраняли фондовое распределение, там обильно эмиссионно кредитовали

* Выступление Е.Т.Гайдара в Санкт-Петербурге 23 октября 1994 г.

промышленность и сельское хозяйство, там проводили взаимные зачеты, там сохраняли монополию внешней торговли, там ликвидиро-

вали валютный рынок или не создавали его вовсе, там предельно осторожно подходили к приватизации. Короче говоря, делали все, что сегодня предлагает нам оппозиция и что она нам предлагала на протяжении 2,5 лет.

К настоящему времени итог этой политики достаточно ясен — сохранение дефицита во всех видах рынка, очередей, зарплата в несколько раз ниже, чем даже в России — 15, 20, 25 долларов в месяц, в Киеве, например, — 10-12 долларов, 25 — это уже с шахтерами Донбасса, бурное нарастающее падение промышленного производства и полная зависимость экономик этих стран от того, согласится ли Россия и дальше поставлять им даром ресурсы.

В четырех государствах призвали команду завлабов, монитаристов и начали пытаться реализовать иную экономическую стратегию. Речь, естественно, идет о трех государствах Балтии и России. Здесь повсеместно была проведена быстрая и достаточно решительная либерализация цен, открытие внешнего рынка, введена конвертируемость национальной валюты, начался быстрый процесс приватизации. В двух республиках удалось воплотить эту политику более или менее последовательно — так, как ее выработывали — это Эстония и Латвия, в двух — по ходу дела по политическим мотивам произошли перемены в правительстве и после первого года политика стала колеблющейся и не очень последовательной. Там, где политику проводили последовательно, к концу первого года был преодолен дефицит, к концу второго года в основном остановлена инфляция и стабилизирован курс национальной валюты, к середине третьего года начался экономический рост. Сегодня промышленное производство растет и начался экономический рост. Сегодня промышленное производство растет и в Эстонии, и в Латвии. Там, где процесс реформ оказался прерванным, удалось сохранить наполненный потребительский рынок,

удалось обеспечить долларовую зарплату, близкую к Прибалтике, а не к Украине, но ни там, ни там не удалось ни обеспечить остановку инфляции, ни создать предпосылки экономического роста. Если 2,5 года назад можно было, что называется, спорить о путях реформы, о том, что надо делать, какая стратегия является разумной и оптимальной, сегодня этот вопрос за гранью серьезного обсуждения. Абсолютно очевидно любому беспристрастному человеку, что если уж старая система перестала работать, то нужны систематические и достаточно энергичные усилия, направленные на формирование новых, и беда нашей российской политики была, разумеется, не в том, что реформы были слишком радикальными, слишком решительными, а в том, что реформы оказались недостаточно последовательными, были прерваны во многом на середине, а дальше политика оказалась колеблющейся и компромиссной. Именно поэтому сегодня в России продолжает падать производство, именно поэтому в России продолжается инфляция, именно поэтому мы не богатеем.

В конце 93-го года стало казаться, что наконец-то в России возникают предпосылки экономической стабилизации. Мы в 91-м году неоднократно говорили, я выступал с этим и по радио, и по телевидению, и в газетах, мы говорили, что нет великого труда преодолеть дефицит, очереди, наполнить прилавки. Это первый шаг. Счастья само по себе это не принесет, счастье придет, когда вслед за изобилием придет благосостояние. Когда не просто товары появятся в магазине, а когда эти товары можно будет купить за разумную зарплату. И в этой связи главная проблема реформ — это проблема не изобилия, это проблема экономического роста, это проблема создания предпосылок, при которых экономика начинает расти, дышать. Люди начинают жить лучше.

Что для этого нужно? Ну, для этого нужна одна элементарная штука, одна предпосылка. Экономический

Егор Гайдар От черного вторника к коммунистическому субботнику

ческий рост — это инвестиции, это деньги, вложенные в производство. Значит, нужно, чтобы появились деньги, которые осмысленно и с толком вкладываются в производство. Есть два потенциальных источника этих денег. Первый источник — государство. Часто наши оппоненты говорят, пусть государство возьмет эти деньги, вложит в производство, производство начнет расти, мы будем богатеть. Замечательная идея, если бы не одна маленькая проблема... Для того чтобы вложить эти деньги, государству надо их иметь, для того чтобы их иметь, надо взять больше налогов. Ну, а то что уровень налогообложения и так в России сегодня предельно, это в общем понятно как бы всем. Все понимают, если еще дальше задраить налоги, то еще большая часть экономики уйдет в тень, еще большими будут налоговые платежи. Значит, если этот источник не работает, то есть один — это добровольные сбережения населения и частные инвестиции предпринимателей. Будут они вкладывать в производство — будет расти экономика, не будут вкладывать в производство — экономический рост невозможен. От чего это, в свою очередь, зависит? Зависит от одних вещей, скажем, зависит от гарантий частной собственности. Попробуйте уговорить человека вкладывать деньги в производство, если он знает, что могут прийти коммунисты и отобрать снова, как уже бывало, к сожалению, в истории нашей страны.

Первое, что абсолютно необходимо для экономического роста, — четкие и надежные гарантии частной собственности: и правовые, и политические, убежденность в том, что возврат невозможен. Второе, что тоже абсолютно необходимо, — это стабильная национальная валюта. Если ваша национальная валюта за день прыгает сначала на 27% вниз, а потом на 20% вверх, то ни один разумный предприниматель вкладывать деньги в проекты со сро-

ком окупаемости в 2-3 года не будет. Он будет вкладывать деньги в валютные спекуляции, в экспортно-импортные операции, в крайнем случае — в торгово-закупочные, но никогда не будет вкладывать их в производство. Именно поэтому стабилизация национальной валюты — абсолютно необходимая предпосылка для инвестиций в производство. Я довольно много знаю российских банкиров, и не только российских, и знаю, что они прекрасно понимают: если база для финансовых спекуляций исчезает, если курс национальной валюты устойчив, если процентная ставка снижается, значит, ничего другого не остается, как вкладывать в производство. И наоборот. Именно поэтому финансовая стабилизация, скажем, в той же Эстонии, Латвии проложила дорогу экономическому росту, а у нас инфляция этот рост блокирует.

В конце 93-го года, после того как был преодолен кризис двоевластия, стало казаться, что экономическая политика начинает выправляться, что мы начинаем создавать предпосылки экономического подъема. Появились признаки, мало заметные широкой публике, но очень важные для специалистов. Существенно снизились темпы роста денежной массы, начиная с сентября прошлого года, с осени процентная ставка стала положительной, то есть: если ты вкладываешь деньги в банк, ты не проигрываешь, а выигрываешь — она выше, чем темпы инфляции, вложение денег в рублевые депозиты стало более выгодным, чем вложение в доллары, то есть если ты вкладываешь в рубли, ты выигрываешь, вкладываешь в доллары — реально проигрываешь.

Так было по крайней мере на протяжении первых семи месяцев 1994 года. И на этом фоне сразу стал вызревать целый ряд позитивных процессов, предвестников роста. Очень быстро стала расти доля сбережений в доходах населения — от денег перестали бежать, тем более что они не обесцениваются медленно, стала расти доля долгос-

рочных кредитов в объеме кредитования, наметилась устойчивая динамика валютного курса — все знали, ну на 4 процента рубль упадет за месяц, может быть, на 3,5, может быть, на 4,5, по крайней мере не на 10. Стала устойчиво идти вниз процентная ставка — если она была 210 процентов, потом 180, 170, 130 и к концу лета стала где-то 110-120. И эти, только первые, признаки стабилизации сразу изменили направление потока капитала. У нас очень много говорят о бегстве капитала, о том, что он уходит из страны. Это правда, потому что он уходит из-за нестабильности. Только забрезжили первые признаки стабилизации, как направление этого потока резко изменилось. Все, кто имеет дело с мировым рынком капитала, знает, что с этой весны начался просто лавинообразный приток капитала. Ведь весь мир смотрит на то, что у нас происходит, со страхом и надеждой — огромные ресурсы, огромный потенциал, не хочется опоздать, если здесь ситуация стабилизируется, и вместе с тем очень страшно, потому что все может повернуться непредсказуемо. Только-

только забрезжила стабилизация — и очень многие крупнейшие банки мировые резко увеличили поток инвестиций в Россию. Один (Остон Крис Уиз?) вложил больше 1 миллиарда 800 миллионов долларов в акции российских предприятий, за ним пошли другие крупные банки. В целом создалось ощущение, что возникает предпосылка стабилизации экономического положения.

Я в конце 93-го — начале 94-го

написал несколько записок президенту, говорил с ним неоднократно, убеждал его, что именно сейчас пришло время, когда нужно решительными мерами остановить инфляцию, покончить с политикой компромиссов и создать базу экономического роста с тем, чтобы в 95-й год войти с растущей экономикой и к выборам президента подойти в ситуации, когда нам есть что показать избирателям. Но, к сожалению, в то время на это пойти были не готовы, политика правительства оставалась колеблющейся и компромиссной, и я поэтому вынужден был подать в отставку.

В апреле 94-го правительство уступило нажиму аграриев и комму-

нистов. Оно принесло бюджет в Думу, на него нажали, правительство сказало, ну ладно, хорошо, и включило в бюджет еще триллионов десять ничем не обеспеченных доходов — на так называемую поддержку сельского хозяйства. С апреля денег стали печатать в два раза больше, чем печатали осенью 93-го — весной 94-го, а в июле-августе правительство закачало в экономику 13 триллионов ничем не обеспеченных денег. Закачало под крики о том, что это нужно для подъема промышленности, сельского хозяйства, «спасения северов», хотя у нас уже пятиклассник хорошо знает, где эти деньги потом оказываются. И людей наивных, которые полагают, что каждые 13 триллионов ничем не обеспеченных денег окажутся потом в отстающем колхозе, по моему, уже нет. Все знают, что они окажутся в огромной степени на валютной бирже. Мы, естественно, предупреждали об этом. Они действительно уже в августе оказались на валютной бирже, и в августе резко пошел спрос на валюту.

Здесь Центральный банк допускает целый ряд серьезных ошибок. Я не буду подробно на них останавливаться, они носят профессиональный характер, они связаны с политикой процентной ставки, с политикой размещения государственных краткосрочных обязательств. Короче говоря, Центральный банк при экстремальной ситуации должен был немедленно предложить хоть какие-то меры, направленные на то, чтобы удержать деньги в рублевой форме, хотя бы не давая им всем перетечь на валютный рынок, но он ничего не делает, и, естественно, деньги устремяются на рынок валюты.

К счастью, мы за 92-93-й год накопили довольно большие валютные резервы, и, по состоянию, скажем, на начало 1994 года, Центральный банк полностью владел ситуацией на валютных биржах, он мог сделать там все что угодно. Но это же не безгранично. Центральный банк выбрасывает первый миллиард долларов в конце августа, и соответ-

ственно на него уходят два триллиона напечатанных, ничем не обеспеченных денег. Центральный банк выбрасывает второй миллиард долларов, и на него уходят еще два триллиона с небольшим. Центральный банк выбрасывает третий миллиард долларов, но его тоже хватает примерно на две недели, ну а после этого у него валютные резервы оказываются истощенными, он умывает руки и говорит: а что собственно? У меня деньги кончились, теперь будь что будет. Ну, а будь что будет, — это как раз начало валютной паники: валютный курс быстро растет, и люди разумные — а сейчас даже домохозяйки понимают, когда надо покупать доллары, а когда продавать, — в соответствии с ситуацией размещают свои деньги. Тем и объясняется, что обесценение рубля будет не меньше 10 процентов в месяц. Значит, выгоднее хранить в долларах, чем в рублях, и все, начиная от руководителей крупных банков и кончая домохозяйками, делают одну и ту же вещь — они начинают быстренько перемещать свои депозиты из рублевого в долларовый фонд, и спрос на валюту растет лавинообразно.

После этого мы получаем мощнейший удар по валютному рынку с дестабилизацией курса и мощнейшим инфляционным ударом. Предельно ясно, что если курс начинает скакать вверх на, скажем, 29 пунктов, а потом обратно скачет вниз, то цены обратно уже не скачут. Это само собой разумеется опять же для всех мало-мальски разумных взрослых людей.

Правительству и Центральному банку приходится, чтобы как-то взять ситуацию под контроль, резко повышать процентную ставку. Значит, снова выгодны только финансовые спекуляции, значит, ни о каких инвестициях речь не идет, значит, ни о каком подъеме производства в 95-м году, по крайней мере в начале года, речи идти не может. Мы получили удар по благосостоянию граждан и по перспективам экономического роста.

Егор Гайдар От черного вторника к коммунистическому субботнику

Сегодня мы подошли к ситуации очень опасной, зависшей ситуации, когда возможности старой, компромиссной политики во многом исчерпаны. Я был в Думе на следующий день после черного вторника, в среду, каким счастьем светились глаза лидеров оппозиции — но вот оно, наконец, пошла карта, вот теперь есть возможность хорошенько поднажать и добиться от правительства, чтобы оно сделало все те глупости, которые еще не успело сделать. Когда правительство шло на компромисс с аграриями и коммунистами, было понятно, что в результате все это ударит по населению. Если продолжать ту же политику, сделать сегодня "три-четыре самые элементарные вещи", которых требует оппозиция, то мы очень быстро — на протяжении буквально двух-трех месяцев — сможем загнать российскую экономику строго в то положение, в котором она была в конце 1991 года.

Я могу объяснить, как в три месяца это делается. Первое. Вы нажимаете на правительство дальше и правительство дальше продолжает эмиссионное кредитование предприятий, еще триллионов пять ничем не обеспеченных денег. Второе. Начнутся высокие инфляционные ожидания, все понимают, что рубль идет падать, доллар соответственно расти, куда эти деньги пойдут? Туда же, на валютный рынок. Внешних резко сократившихся валютных запасов Центральному банку хватит примерно на три недели. Через три недели у него останется валюты тот же ноль, который был у нас в конце 91-го года. После этого дальше курс валюты становится в принципе неуправляемым. После этого, естественно, реализуется следующее требование оппозиции — ликвидация валютного рынка, фиксированный курс. Фиксированный курс — это значит снова девязный рубль, т.е. не конвертируемый. Тогда кому нужно экспортировать в Россию? Быстренько-быстренько, недели за две, весь этот импорт, который сегодня есть в

магазинах, раскупается в рамках возникающей паники и после этого поток его пересыхает. Что происходит дальше? Совершенно понятно, что сегодня этот импорт все-таки держится потому, что есть конкуренция соответствующих товаров. Если мы его убираем с рынка, значит, цены отечественных товаров резко идут в верх. Что делает правительство? Правительство выполняет следующий совет оппозиции. Оно пытается заморозить цены. Что происходит после этого? Выясняется, что почему-то товаров по этим ценам нет в магазинах. Значит, надо вводить карточки. Вводить карточки — их надо после этого отоваривать. Как только у вас перестают работать деньги, выясняется, что в стране острейший дефицит зерна, потому что за деньги его теперь уже не купишь. Короче говоря, вы строго попали в ситуацию конца 91-го года. Валютных резервов больше нет, карточный дефицит, пустые прилавки, отсутствие резервов продовольствия, реальная угроза социально-экономической нестабильности.

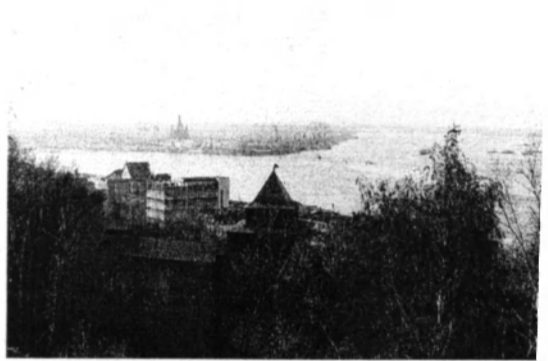
Вот элементарный сценарий, в нем нет ничего фантастического, он весь состоит из совершенно естественных ходов, как бы продолжая ту линию, которая была в последнее время, и он надежно ведет к развалу тех росточков рыночной экономики, которые за эти три года удалось посадить.

Именно этого, на мой взгляд, оппозиция добивается сегодня от правительства, добивается и слушанием, и нажимом на правительство, и угрозами свалить его и т.д., потому что оппозиция потом будет на коне — ну как же, ну смотрите, они же пытались ввести рынок в России, к чему пришли? К полному развалу. Ну, значит, что? Значит, Россия обречена жить при тоталитарном режиме и карточной системе.

Можно от этого уйти? Да, разумеется, можно, и я рад, что правительство — лучше поздно, чем никогда — начало понимать, к чему, собственно, его толкают.

В прошлый четверг правительст-

во обсуждало бюджет. Бюджет, имеющий свои недостатки, но в общем все-таки ориентированный на достаточно решительные меры по стабилизации положения. Предлагается полностью отказаться от эмиссионного финансирования дефицита бюджета, короче говоря,

перестать печатать ничем не обеспеченные деньги, покрыть потребность за счет внешних займов, за счет резкой активизации работы на финансовом рынке, короче говоря, занимая в долг, а не печатая. Эта стратегия рискованная, конечно. Скажем, если бы реализовывать ее весной, она вообще была бы обре-

чена на успех, сегодня же, при неслыханных инфляционных ожиданиях, — это рискованная стратегия, но единственная стратегия, которая дает шанс на успех.

Именно поэтому мы, разумеется, поддержим сегодня правительство, потому что, на мой взгляд, главная задача сегодня не в том, чтобы наказать его за то, что оно сделало неправильно, а главное — не дать свалить его, не дать сделать еще несколько фатальных ошибок. Если эта стратегия правительства будет реализована, если у правительства хватит политической воли на этот раз не менять курса и хватит профессионализма пойти по этому

пути, который, в общем, открывает дорогу к стабилизации, тогда можно к концу года стабилизировать курс рубля к доллару, тогда можно начать обратно наращивать валютные резервы, тогда можно к концу весны 95-го года сбить инфляцию до величины 2-3 процента в месяц, тогда можно к осени 95-го года создать предпосылки капитальных вложений и начала промышленного роста в 96-м году, то есть пройти весь тот путь, который прошла Эстония, который прошла Латвия, который прошла до этого Польша, многие, многие другие страны, — в нем нет ничего загадочного. Для этого нужны, действительно, еще раз подчеркиваю, воля и профессионализм. И мы, разумеется, сделаем все возможное для того, чтобы все-таки поддержать этот курс.

Разумеется, в России есть целый набор фундаментальных, долгосрочных проблем, которые скрываются за этой внешне сглаженной поверхностью финансовых бурь. В какой степени нам удастся открыть дорогу глубоким структурным реформам, определяет возможность и долгосрочного экономического роста в России.

Вот одна фундаментальная российская диспропорция, без устранения которой никакого устойчивого роста быть не может. Она очень простая и всем понятная — армия. Мы сегодня тратим на армию каждый второй рубль из налогового поступления федерального бюджета. Каждый второй рубль автоматически идет на содержание вооруженных сил. И это в то время, когда армия недофинансирована, зарплату задерживают, на вооружение не хватает и т.д. Это значит, что мы пытаемся содержать армию, которая нам не по силам. Ведь эта армия досталась нам в наследство от Советского Союза. Она была приспособлена для другой страны. Для страны, где есть среднеазиатский призыв, где были солдаты, которые обеспечивали возможность существования такого количества генералов. Сейчас все это ушло, у нас другие потребности, у нас дру-

гие соображения безопасности, а мы пытаемся содержать все ту же самую армию. К чему это приводит? Помимо того, что это приводит к колоссальной перегрузке экономики — экономика не может расти, если мы столько тратим на вооруженные силы, это приводит и к неспособности значительной части армии. Если вместо того, чтобы содержать одну укомплектованную боеспособную дивизию, вы пытаетесь содержать пять, то вы содержите пять небоеспособных дивизий. Единственное, что они могут сделать, — это, в лучшем случае, охранять то имущество, которое есть. Если паче чаяния вам куда-нибудь ее надо двинуть, то выясняется, что двинуть вам абсолютно нечего.

Вот иллюстрация того, что я сказал. В свое время я, возглавляя правительство, решал задачу послышки миротворческого полка в Южную Осетию. Одного полка! Оказалось, это не так просто. Во-первых, начальник Генерального штаба три дня собирал полк по взводу, по роте из разных округов. И это при том, что, еще раз подчеркиваю, у нас огромная армия, и при том, что мы тратим на нее каждый второй рубль со своих налоговых отчислений. Совершенно очевидно, что без глубокой военной реформы, которая привела бы количество частей и соединений в соответствие с числом призывников, а не с числом генералов, мы эту экономику не поднимем, потому что она просто нас задавит. Ясно, конечно, что этого не хочется многим из тех, кто причастны к формированию военной доктрины. Глубоко убежден, что военная реформа слишком серьезное дело для того, чтобы доверять ее генералам. Именно поэтому наша партия выступает категорически за реорганизацию Министерства обороны с гражданским контролем в этом министерстве.

Аграрная реформа — страшная проблема России. Весной 92-го года, после назначения нашего правого вице-президента главным реформатором, аграрная реформа у нас ос-

Егор Гайдар От черного вторника к коммунистическому субботнику

тановилась, а после того, как эта сфера оказалась в компетенции наших идеологических друзей из коммуно-аграрного блока — я имею в виду г-на Заверюху, — о каких-то системных преобразованиях в этой сфере просто говорить стало невозможно. В результате, вместо того чтобы делать все для формирования рынка, мы делаем все, чтобы затормозить этот процесс.

Откуда взялись триллионы, которые выплыли на валютный рынок в черный вторник? Они появились из того, что правительство еще раз обещало стать главным покупателем урожая 94-го года. Никому не приходит в голову, что государство должно быть главным покупателем шляпок, нефти, пластмассы, ботинок, но почему же оно должно быть главным покупателем сельхозпродукции? Ведь у государства деньги ограничены. Если вы берете на себя роль покупателя сельхозпродукции, значит, вы должны деньги снять с науки, с образования, с культуры. Но все уже придумано, уже нормально действуют сформировавшиеся мировые биржи, например Самарская зерновая биржа: приходи и покупай зерна сколько хочешь. Поставка сегодня, завтра, послезавтра, когда тебе удобно... Цена на этих биржах, по состоянию, скажем, июнь-июль, по пшенице составляла 135 тысяч рублей за тонну. Какую цену устанавливает государство? Ровно в два раза выше. Под давлением, естественно, аграриев. Естественно, мы получаем рост цен на хлеб, рост цен на комбикорма, отсюда рост цен на молоко, мясо, яйца. И конечно, деньги не доходят до колхозников, в лучшем случае их получают к концу следующего года, зато выбитые таким образом деньги идут в государственные монополии типа Росхлебопродукта, а потом опять на валютный рынок.

Это сознательное торможение формирования рынка, которое больше всего, ярче всего проявляется в страшной битве против частной собственности на землю, одной из важнейших вещей, которая проис-

ходит сегодня в аграрном секторе России. Нет ни одного примера успешного сельского хозяйства без частной собственности на землю. Аграрники и коммунисты делают все, что могут, для того, чтобы частной собственности не появилось. Нам сейчас пришлось идти на компромисс с ними, чтобы провести Гражданский кодекс, исключив из действия 17-ю главу, земельную главу. Они добились этого потому, что заблокировали принятие Гражданского кодекса, включающего земельный оборот. Если нет частной собственности на землю, значит, нет залогового кредитования, нет нормального рыночного сезонного кредитования, значит, всегда кредитование должно осуществлять государство. За счет бюджета, короче говоря, мы сами себя загоняем в этот порочный круг.

Государственный аппарат. Огромный, разбухший, вышедший за все рамки разумного. В 91-м году, когда мы пришли, начали с очень резкого сокращения госаппарата, сократили число министерств примерно со 100 до 23. К сожалению, в начале 93-го года, когда пришло новое правительство, эта тенденция поменялась на прямо противоположную — новые ведомства начали расти как грибы после дождя. И сегодня аппарат далеко оставил за собой все советские образцы и масштабы.

Вот простой бытовой пример. Я много езжу по стране, и раньше ездил. Если раньше, скажем, приезжая в сельский район, видишь у здания райкома партии три машины, три черные "Волги", то сегодня, по моим наблюдениям, — от 11 до 18. Беда здесь даже не в том, что всех этих чиновников надо кормить за счет налогов, беда в том, что в огромной степени они занимают перераспределением наших денег. Ведь на каждый рубль, который тратится на содержание чиновника, нужно десять, которые он должен делить: квоты, лицензии, льготные кредиты, субвенции, субсидии, дотации... что-нибудь делить. К тебе приходят, кланяются, может

быть, взятки дают... Вот эта колоссальная обуза, связанная тесно с коррупцией, сегодня мне кажется важнейшей долгосрочной, структурной проблемой нашего общества.

Получается так: мы забираем через налоги деньги у тех предприятий, которые работают хорошо, а потом чиновник перераспределяет и отдает тем, кто работает плохо.

Мы проводили исследование, пытались выявить, от чего зависят сегодня успехи в работе предприятия — от возраста оборудования, от структуры оборудования, отраслевой специализации, территориального расположения? Есть один фундаментальный фактор, который все это забывает. Это — квалификация директора. Умеет директор работать в новых условиях — предприятие живет, не умеет — ничего у него не получится. Короче говоря, мы отбираем деньги у тех людей, кто работает хорошо, отдаем их тем, кто работать не умеет. В этой связи глубинные структурные реформы — резкое сокращение государственного аппарата, ужесточение финансовой ответственности, резкое сокращение субсидий, дотаций, военная реформа, аграрная реформа — это те серьезные преобразования, не осуществив которые, конечно, мы никогда не подведем фундамент под каркас устойчивого роста России.

Вот то, чего мы как партия, как фракция хотели бы добиться, вот то, что мы считаем при объединении усилий абсолютно реальным, вот то, за что мы боремся сегодня и будем бороться завтра.

Фоторепортаж Виктора Ярошенко